

Д. Л. Тесленко

ИСТОРИОГРАФИЯ АРХЕОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА СТРУКТУРЫ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

Статья посвящена современному состоянию историографических исследований в археологии, в частности, пониманию предметного поля историографии археологии. Ставится вопрос о специфике и уровнях структуры предметного поля историографии, определяются перспективы дальнейшего исследования проблемы.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историография археологии, история археологии, предметное поле, структура, науковедение.

В течение последних двух десятилетий историография археологии уверенно позиционирует себя в качестве самостоятельной и бурно развивающейся субдисциплины. За это время количество работ по истории археологической науки резко возросло, причем во всех составляющих спектра специальных исследований — от публикаций тезисов и материалов конференций до монографий и диссертаций самого высокого уровня. Повышенный интерес к истории археологии иллюстрируют проводимые все чаще и чаще тематические конференции. Историографическим вопросам посвящаются отдельные секции на форумах, посвященных конкретно-научным проблемам археологии.

Причины активизации историографических исследований в археологии разнообразны, имеют внутреннюю и внешнюю природу, но при этом очевидно взаимосвязаны. В первую очередь — это факторы развития современной гуманитаристики, включающие ее деидеологизацию на постсоветском пространстве, переход в состояние «методологического плюрализма», повышение внимания к субъективной составляющей научного познания, связанное с «антропологическим поворотом» в мировой гу-

© Д. Л. ТЕСЛЕНКО, 2012

манитарной практике. Второй комплекс причин связан с возникшей острой необходимостью саморефлексии археологии как науки в связи с кардинальным пересмотром в начале 90-х гг. XX вв. устоявшихся в советской археологии концепций, изменениями в самой структуре науки и организации познавательного процесса. Но, пожалуй, главной причиной стало неудовлетворительное состояние самой историографии археологии — неразработанность ее теоретической базы, неопределенность познавательных возможностей, отсутствие адекватной периодизации истории науки, недостаточная изученность «дореволюционного» периода, наличие в истории отечественной археологии множества белых пятен и «забытых» имен.

Одной из таких проблем остается определение предметного поля историографии археологии, хотя первая попытка ее решения и была предпринята А. А. Формозовым еще в 1975 г. [Формозов, 1975]. К моменту написания упомянутой статьи А. А. Формозов уже являлся состоявшимся ученым, признанным специалистом в истории дореволюционной российской археологии — автором соответствующей монографии, аналитических и специальных статей, а также ряда рецензий. И уж коль скоро задачи науки определяются ее предметом, постановка исследователем задач историографии археологии, по сути, являлась апелляцией к ее предмету. Следуя А. А. Формозову, предметное поле историографии археологии, таким образом, объединяет собственно обобщающую историю археологической науки, историю развития «идей и методов», биографистику, «развитие тех или иных разделов науки» [Формозов, 1975, с. 6—11]. Для нас представляются также важными две ремарки, содержащиеся в статье. Судя по

тексту, идея статьи была подсказана А.А. Формозову появлением многочисленных работ по истории исторической науки и смежных дисциплин, что заставило автора отметить крайне неудовлетворительное состояние исследований по истории археологии [Формозов, 1975, с. 5—6]. С другой стороны, А.А. Формозов не настаивал на завершенности своего исследования, которого оказалось вполне «достаточно для того, чтобы не согласиться с мнением о ненужности разработки данной темы [истории археологии — Д.Т.]» [Формозов, 1975, с. 13].

Уточнить понимание А.А. Формозовым предметного поля историографии археологии мы можем благодаря работе О.М. Мельниковой, посвященной анализу научного наследия исследователя в области истории археологии [Мельникова, 2010]. Говоря о предметной сфере историографии археологии, О.М. Мельникова подчеркивает, что для А.А. Формозова она сводилась в первую очередь к истории науки [Мельникова, 2010, с. 529]. Показательно, что эта же мысль присутствует и в статье А.М. Дубровского, представленной в том же сборнике [Дубровский, 2010, с. 545]. Следуя О.М. Мельниковой, предметное поле историографических исследований А.А. Формозова также включает в себя биографистику в том числе и в бихевиористском и социокультурном контекстах, исключительное внимание к источникам (как к археологическим и историческим, так и к историографическим), а также такое специфическое явление как «историография историографии», т.е. история изучения истории археологии [Мельникова, 2010, с. 528—530].

Анализируя творчество А.А. Формозова, О.М. Мельникова также коснулась современных проблем историографии археологии, в частности, определения предметного поля последней. По мнению исследовательницы, «объект историографического исследования и его предмет могут быть представлены в виде процесса, развивавшегося по мере развития потребностей археологии в познании прошлого своей науки» [Мельникова, 2010, с. 530]. Указывая на сравнительно позднее оформление историографии археологии в самостоятельное направление и «ее изоляцию от историографии исторической науки», автор констатирует, что термины «история археологии» и «историография археологии» в последнее время уже не отождествляются специалистами [Мельникова, 2010, с. 529]. Как следствие, предмет историографии археологии, согласно О.М. Мельниковой, не сводится к истории накопления археологических знаний, и может быть расширен за счет истории науки — исследования «изменений в организации научной деятельности, изучения социальных функций археологии, рассмотрения системы подготовки научных кадров, характеристики коммуникаций, анализ влияния социальных факторов, гендерной

составляющей дисциплинарного сообщества, персональных биографий» [Мельникова, 2010, с. 530]. Также в предметную сферу историографии археологии исследовательница включает методологию и методiku историографического исследования [Мельникова, 2010, с. 530—532].

Многие из этих вопросов были ранее подняты О.М. Мельниковой в докторской диссертации [Мельникова, 2004]. Отмечалось, что определение предмета историографии археологии представляет собой важнейшую методологическую проблему, поскольку именно предметная сфера историографии археологии определяет содержание ее методологических проблем. При изучении научных школ, — по мнению исследовательницы, — предмет историографии археологии должен включать процесс накопления знаний, возникновение новых идей, концепций, теорий, методов исследования, изменения в организации научной деятельности, преобразования социальных форм деятельности ученых. Круг методологических проблем в данном контексте включает анализ структуры и уровней историографического знания, изучение методов историографического исследования, взаимоотношение науки и общества, понятийный аппарат историографии, психологии научного творчества [Мельникова, 2004, с. 9—10].

В поисках методологического обоснования предмета историографии археологии исследователи обратились к теоретическому инструментарию науковедения. В данном контексте несомненно важное значение имеет статья А.И. Ганжи, как пример проблемного историографического исследования в археологии [Ганжа, 1987]. Для определения специфики термина «историко-научное исследование» автор использовал принятую в философии науки иерархию, выделяя фактологический, историографический и науковедческий уровни [Ганжа, 1987, с. 138]. Фиксация научных фактов, их в первую очередь хронологическая систематизация и обобщение представляют начальный, фактологический уровень исследования. На следующем, историографическом уровне происходит выработка особых концептуальных конструкций, определенных исторических моделей теоретического знания. На науковедческом уровне разрабатываются «теоретические основы научной политики государства и государственное регулирование науки как социального института» (нормативное науковедение), а также раскрываются «закономерности функционирования и развития науки как сложной системы» (аналитическое науковедение) [Ганжа, 1987, с. 138—139]. По мнению А.И. Ганжи, предметом исследований историографического уровня является «имманентное развитие теоретического базиса конкретных наук», в то время как к прерогативам науковедения относится определение «периодов резких

качественных скачков мировоззренческого порядка, становление новых ценностных установок научной системы» [Ганжа, 1987, с. 139].

Следует также отметить достаточно показательный момент — А.И. Ганжа фактически выводит археологию из разряда гуманитарных дисциплин, называя собственное исследование термином «историко-научное», вместо принятого в гуманитаристике — «историографическое» [Ганжа, 1987, с. 138].

Научный потенциал науковедения был использован при определении предметного поля истории археологии Г.С. Лебедевым. Исследователь подчеркивал, что предметом научной рефлексии или самопознания науки, и история археологии не является исключением, является «логика смены ценностных ориентаций» [Лебедев, 1992, с. 5]. Поскольку рефлексия науки имеет закономерный характер, является универсальным в дисциплинарном измерении процессом, то и принципы науковедения как особой генерализирующей отрасли знания, согласно Г.С. Лебедеву, «естественно, распространяются и на историю археологии» [Лебедев, 1992, с. 6]. Предметное поле истории археологии, таким образом, определяется принятыми в науковедении подходами — информационно-кибернетическим, рефлексивно-аналитическим, теоретико-познавательным, — и включает в первом случае организационную структуру науки, внутринаучные связи и отношения во втором, и, наконец, место и роль науки как особой формы познания в развитии общественной системы [Лебедев, 1992, с. 8]. По мнению Г.С. Лебедева, для конкретизации исследований в области истории археологии по своей внутренней логике предложенная П.А. Рачковым четырехуровневая структура науковедения как самостоятельной дисциплины. Последняя включает фундаментальные, экстранаучные, социоструктурные и инфраструктурные характеристики науки [Лебедев, 1992, с. 8—9].

Также с позиций науковедения обратился к проблеме предметного поля историографии археологии Ю.П. Холюшкин. В отличие от специальных работ по историографии археологии статья Ю.П. Холюшкина продолжала серию работ по «построению системной классификации археологической науки» [Холюшкин, 2003, с. 8]. Историография археологии вместе с так называемой «археологической критикологией» понимается исследователем в качестве составной части археологического науковедения. Первая, согласно автору, «исследует историю науки и представляет собой совокупность исследований, посвященных определенной теме или исторической эпохи», решая при этом следующие задачи: выяснение теоретико-методологических принципов, присущих каждому направлению археологической мысли; анализ источниковедческой базы, характера

использования археологических источников, конкретных методик исследования археологических фактов; определение места археологических научных школ и направлений в установлении и систематизации археологических фактов; изучение организации и форм исследовательской работы в области археологии, включая систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров; анализ проблематики археологических исследований, ее развития и расширения; исследование археологических концепций, созданных различными археологическими направлениями и школами и выявлению моментов преемственности археологического знания [Холюшкин, 2003, с. 9]. Заслуживает внимание и формулировка предметного поля вводимого Ю.П. Холюшкиным в тесной связи с историографией археологии понятия «археологическая критика» — «критическая проверка ранее использованных приемов интерпретации археологических фактов, установления степени их достоверности и ... нового осмысления уже накопленных археологических материалов» [Холюшкин, 2003, с. 9].

В свою очередь в качестве подразделов историографии археологии и археологической критикологии Ю.П. Холюшкин, вслед за Е.Д. Гражданниковым, выделяет: археологическую наукометрию, целью которой является «статистическая обработка эмпирических археологических науковедческих данных»; археологическую критериологию как науку о критериальной оценке научных результатов на основе их сравнения посредством строго определенных статистических процедур; наконец, археологическое прогностическое науковедение, задачей которого является получение информации о будущих научных результатах [Холюшкин, 2003, с. 9—10].

Внутренняя классификация историографии археологии представлена Ю.П. Холюшкиным в виде двух опорных понятий — общей историографии археологической науки и методики историографии, — имеющих собственную иерархическую структуру. Первое понятие разделено исследователем на комментарийную и теоретическую историографию. Комментарийная историография, согласно Ю.П. Холюшкину, является «наиболее распространенным видом историографического описания, основанного на простой констатации известных фактов», тогда как задача теоретической историографии заключается в «анализе источниковедческой базы, характера использования археологических источников, конкретных методик исследования археологических фактов, определения места археологических научных школ и направлений в установлении и систематизации археологических фактов, изучение организации и форм исследовательской работы в области археологии, включая

систему научных учреждений, вузов, музеев и архивов, систему подготовки кадров, анализ проблематики археологических исследований, ее развития и расширения» [Холюшкин, 2003, с. 11—12]. На следующем структурном уровне Ю.П. Холюшкин выделяет хроникальную историографию — «описание археологических исследований в их хронологическом порядке», источниковую историографию, которая изучает «историю археологического знания на основе вещественных и письменных источников», а также концептуальную историографию, «изучающую теоретико-методические принципы, присущие каждому направлению археологической мысли и исследованием археологических концепций, созданных различными археологическими направлениями и школами, выявлением моментов преемственности археологического знания» [Холюшкин, 2003, с. 12]. Методика историографии, в понимании Ю.П. Холюшкина, представляет собой «последовательность конкретных процедур, реализация которых обеспечивает достижение заданной цели историографического исследования» [Холюшкин, 2003, с. 12].

Представленные выше многочисленные и объемные цитаты призваны продемонстрировать, что концептуально проблема предметного поля историографии археологии остается неразработанной. Что же изменилось за десятилетия, отделяющие нас от статьи А.А. Формозова?

Многочисленные сегодня историографические исследования в археологической науке посвящены преимущественно проблемам истории археологии и лишь единичные — теоретическим аспектам исследований в области историографии археологии. Работы по проблемной историографии или точнее по историографии конкретно-научных проблем археологии практически отсутствуют, а специальные историографические разделы в археологических работах, как и сорок лет назад, зачастую представляют собой в лучшем случае аннотированные библиографии. Ю.П. Холюшкин для последних даже ввел отдельный элемент в структуру общей историографии археологической науки — «комментарийная историография» [Холюшкин, 2003, с. 12].

Явственная доминанта историко-научного над проблемно-историографическим в истории археологии в свое время была как бы закреплена В.Ф. Генингом. Он настаивал, что «история археологии ... предусматривает не столько обзоры частных проблем, связанных с конкретно-историческим изучением памятников, эпох, культур или регионов, сколько исследование эволюции общего стиля научного мышления, развития методов, концепций, теорий, гипотез, определяющих общее направление исследовательского поиска в тот или иной период развития археологии» [Генинг, 1982,

с. 4]. Таким образом, В.Ф. Генинг разделил историографию проблемы и историю археологии, причем в последней сделал акцент на теоретической части. В подобном творческом ключе выполнено исследование Н.И. Платоновой, предмет которого определен как «развитие археологической мысли..., понимаемое как эволюция и трансформация комплекса общих представлений и методических подходов, применявшихся в данной области знания» [Платонова, 2010, с. 9—10]. Появившийся благодаря одноименной работе Б. Триггера [Trigger, 1989] термин «история археологической мысли», по мнению Н.И. Платоновой, более удачен чем «история теоретических исследований в археологии», поскольку позволяет учитывать общественно-политические, общеполитические, социальные и соционаучные влияния на развитие археологии даже если ее теоретические основы оставались не до конца разработанными [Платонова, 2010, с. 9—10]. Заметим также, что предмет исследования Б. Триггера формулировался как история археологической интерпретации или, точнее, история интерпретации археологических данных [Trigger, 1989, р. 2—4].

В условиях неустоявшегося понятийного аппарата и намечающейся терминологической путаницы вполне правомерным выглядит вопрос о соотношении терминов «история» и «историография» археологии. И хотя Г.С. Лебедев отмечал, что «история археологии» является более узким понятием, чем «историография археологии» [Лебедев, 1992, с. 9], абсолютно справедливым представляется замечание О.М. Мельниковой, что разница между ними сегодня ощущается скорее интуитивно [Мельникова, 2004, с. 9; 2010, с. 529].

Подобная ситуация, на мой взгляд, объясняется неопределенностью предметного поля историографии археологии, которое, правда, сегодня понимается сравнительно более широко. Его границы устанавливаются в основном через постановку задач конкретного историко-научного исследования, либо путем использования науковедческих подходов, в свою очередь направленных на решение науковедческих же задач.

В первом случае четко ограничить предметное поле не представляется возможным уже хотя бы потому, что предмет конкретного, в данном случае историко-научного исследования, всегда будет уже дисциплинарного предметного поля.

Безусловно, позитивной является практика использования достижений науковедения. Однако, конкретные археологические историографические исследования, в которых были бы реализованы науковедческие подходы, к сожалению практически отсутствуют. Возможно, как это часто бывает в гуманитаристике, имеет место запаздывание между появлением

методологической инновации и ее практическим применением в научном исследовании. Но скорее всего, модели науковедческих исследований применительно к историографии археологии требуют дополнительного осмысления. И дело не в сомнениях по поводу их совершенства. Науковедение — в первую очередь фундаментальная дисциплина, занятая поиском общественного значения наук как определенной социально-практической силы, ее предмет тесно связан и переплетен с предметным полем социологии науки и философии науки. Историография археологии, принимая во внимание ее основную функцию научной рефлексии, с точки зрения коммуникации «пишется археологами и для археологов» [Christenson, 1989, p. 1], и поэтому имеет отчетливо выраженный прикладной характер.

Представляется, что для определения предметного поля историографии археологии сегодня в недостаточной степени используется потенциал историографии исторической науки. Отметим, что разработка историографических вопросов в истории началась в 20—30-е гг. XIX в., т.е. по крайней мере на сто лет ранее, чем в археологии, а в 50—80-х гг. прошлого столетия термин «историография» стал обозначать отдельную науку [Попова, 2000, с. 29]. В то же время историография археологии еще в начале 90-х гг. находилась на начальном этапе становления [Лебедев, 1992, с. 9].

Методологические проблемы историографии исторической науки, в том числе связанные с определением ее предметного поля, также активно разрабатываются уже несколько десятилетий. Особого внимания здесь заслуживают работы А.М. Сахарова [Сахаров, 1977; 1984]. Основываясь на работах предшественников, исследователь проследил эволюцию представлений о предмете историографии в российской, а затем и в советской исторической науке. Эта эволюция имеет вид трехэтапной схемы: «от историографии, истории исторической мысли, — к историографии, истории исторической науки, ... — к историографии, истории исторического знания». Расширение и углубление проблематики историографических исследований, согласно А.М. Сахарову, свидетельствуют о поступательном развитии историографии как науки [Сахаров, 1977, с. 27].

Работы А.М. Сахарова, одни из самых цитируемых и сегодня, стали основой для дальнейших исследований в данной области. Обращаясь к ним, Т.Н. Попова и И.И. Колесник отмечали, что в понимании А.М. Сахарова термин «историография» означает анализ литературы по какой-либо проблеме, в то время как «историографию ... в смысле истории исторической науки следует так именно и называть «история исторической науки» [Попова, 2000, с. 28; Колесник, 2000, с. 15.]. Действительно, А.М. Сахаров четко различал понятия

«проблемная историография» и «история исторической науки», но считал их неразделимыми. История исторической науки, по его мнению, «обогащается результатами историографической разработки отдельных проблем», тогда как «успех историографического анализа обуславливается степенью изученности истории исторической науки в целом». Таким образом, «для успешной разработки так называемой проблемной историографии (точнее, историографии отдельных проблем)... нужна ясная ориентация в общем ходе развития исторической науки», а «изучение процесса развития исторической науки... связано с научным обоснованием современных исследовательских проблем» [Сахаров, 1977, с. 6]. Кстати, в данной работе мы находим ответ на один из вопросов, поднятых еще А.А. Формозовым. А.М. Сахаров подчеркивал, что «историография проблемы, взятая в отрыве от истории исторической науки, нередко сбивается на аннотацию литературы по исследуемой теме» [Сахаров, 1977, с. 6].

Наконец, на еще одну составляющую предмета историографии, от недооценки которой был весьма далек А.М. Сахаров, недавно обратил внимание А.Г. Болебрух. Речь идет о теоретических основах исторической науки. Как справедливо подчеркнул А.Г. Болебрух «самой главной задачей историографии А.М. Сахаров, вслед за Л.В. Черепниным и А.И. Даниловым, считал изучение процесса приращения методологических представлений...» [Болебрух, 2006, с. 5]. Обратим также внимание и на то, что теоретическая компонента предмета историографии, в понимании А.М. Сахарова, также неотделима от проблемной, что исчерпывающе иллюстрирует приводимая А.Г. Болебрухом цитата [Болебрух, 2006, с. 6]. Согласно А.М. Сахарову, «анализ теоретических, методологических основ научного исследования позволяет установить, почему изучаемые факты образовали данную взаимосвязь, предстали в данной концепции. При этом понятие «концепция» должно быть отнесено, прежде всего, к оценке содержания конкретных явлений и процессов и к теоретическому осмыслению задач истории, общего хода исторического процесса, а равно приемов и методов исследования исторических источников» [Сахаров, 1984, с. 125].

Творческое наследие А.М. Сахарова отразилось во взглядах других исследователей на проблему предметного поля историографии. Так, М.А. Варшавчик выделял общую (исследование исторического знания, исторической науки в целом), предметную (историография истории отдельных регионов, стран, сфер человеческой деятельности) и проблемную (изучение истории разработки определенных научных проблем) историографию [Посохов, 2004, с. 97]. В свою очередь, И.И. Колесник, не отождествляя понятия «история исторической

науки» и «историография», различает проблемную и теоретическую историографию [Колесник, 2000, с. 26].

По единодушному мнению специалистов, общепризнанного определения дисциплинарного образа историографии сегодня не существует, что, в свою очередь, свидетельствует о продолжающемся развитии данной науки. Однако, приведенные выше взгляды исследователей в целом дают представление о понимании ее предметного поля и могут быть использованы при решении вынесенной в заглавие проблемы.

Думается, что предметное поле историографии археологии может быть представлено в виде трехэлементной структуры, основными компонентами которой являются история археологии, проблемная историография и теория археологической науки. Эти составляющие, в отличие от науковедческих практик, не могут быть представлены в виде иерархии — они равнозначны и в не менее равной степени взаимосвязаны. В свою очередь, предметные поля каждого из компонентов частично совпадают между собой и взаимодополняют друг друга.

Подобная ситуация, по моему убеждению, отражает реалии современных исследований в области историографии археологии и учитывает их ближайшую перспективу. Представляется, что вряд ли можно будет считать завершенным исследование в области истории археологии, проведенное без анализа теоретических и методологических взглядов представителей определенной эпохи, направления, школы и т.д. с одной стороны, и не приводя примеры их реализации на конкретном археологическом материале — с другой. В свою очередь, разработка теоретических вопросов археологии, связанных, например, с понятиями «археологической культуры» или «археологического источника», либо же разработкой методологии социологических реконструкций в археологии, невозможна без использования опыта и наработок предшествующих поколений, равно как и без проверки и подтверждения теоретических построений проблемными исследованиями. Наконец, проблемно-историографическое исследование в археологии невозможно без знания основных этапов развития археологии как науки и их специфики, изменения теоретических и методологических подходов, смены взглядов и концепций, т.е. всего того, что определяет практику интерпретации археологических данных.

Структуру предметного поля историографии археологии можно представить в виде сложной системы, в которой каждая компонента также является системой, имеющей собственную структуру. Однако это предположение требует дополнительного осмысления, поскольку тесная взаимосвязь компонентов усложняет определение внутренней структуры каждой составляющей. Вполне реальна ситуация, при

которой некоторые из элементов более низкого порядка могут демонстрировать связь сразу с двумя компонентами более высокого порядка. Например, биографическая составляющая историографического исследования может рассматриваться в структуре как подсистемы история археологии, так и подсистемы проблемная историография. Очевидно, что список подобных примеров может быть продолжен.

Предметное поле историографии археологии можно представить и как систему более низкого порядка в структуре междисциплинарных связей. Естественно, историография археологии обнаруживает связь собственно с археологией, а также с историографией исторической науки, очевидно, с науковедением, историей философии и другими дисциплинами, список которых может и должен быть уточнен.

Наконец, в историографии исторической науки еще А.М. Сахаровым были определены основные элементы историографического исследования [Сахаров, 1977, с. 39—56], позднее вошедшие в учебную и методическую литературу под названием основных задач, аспектов или модели историографического исследования. Для определения подобных аспектов в историографии археологии необходимо специальное исследование, которое выходит за рамки настоящей статьи. Но представляется, что они должны иметь универсальный характер для всего обозначенного предметного поля.

Представленные выше размышления не претендуют на завершенность. Вопрос о структуре предметного поля историографии археологии мы оставляем открытым. Его решение требует дальнейших разработок, в том числе с широким использованием зарубежного опыта.

Болебрух А.Г. Приобрела ли историография новый образ? / А.Г. Болебрух // Харківський історіографічний збірник. — Вип. 8. — Харків, 2006. — С. 4—13.

Ганжа А.И. Этнические реконструкции в советской археологии 40-60 гг. как историко-научная проблема / А.И. Ганжа // Исследование социально-исторических проблем в археологии. — К., 1987. — С. 137—158.

Генинг В.Ф. Очерки по истории советской археологии (у истоков формирования марксистских теоретических основ советской археологии. 20-е — первая половина 30-х годов) / В.Ф. Генинг. — К., 1982. — 225 с.

Дубровский А.М. К характеристике взглядов А.А. Формозова на развитие историографии отечественной истории / А.М. Дубровский // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). — М., 2010. — С. 538—547.

Колесник І.І. Українська історіографія (XVIII — початок XX століття) / І.І. Колесник. — К., 2000. — 256 с.

Лебедев Г.С. История отечественной археологии. 1700-1971 / Г.С. Лебедев. — СПб., 1992. — 464 с.

Мельникова О.М. Научные школы в археологии: Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук / О.М. Мельникова. — Ижевск, 2004. — 56 с.

Мельникова О.М. Уроки А.А. Формозова / О.М. Мельникова // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928-2009). — М., 2010. — С. 527—537.

Платонова Н.И. История археологической мысли в России. Вторая половина XIX — первая треть XX века / Н.И. Платонова. — СПб., 2010. — 316 с.

Попова Т.Н. Историографическая наука: проблемы самоназвания / Т.Н. Попова // Харківський історіографічний збірник. — Вип. 4. — Харків, 2000. — С. 20—33.

Посохов С.І. Історіографія / С.І. Посохов // Історіографічний словник / За ред. С.І. Посохова. — Харків, 2004. — С. 97—102.

Сахаров А.М. Некоторые вопросы методологии историографических исследований / А.М. Сахаров // Вопросы методологии и истории исторической науки. — М., 1977. — С. 5—59.

Сахаров А.М. Методология истории и историография (Статьи и выступления) / А.М. Сахаров. — М., 1984. — 216 с.

Формозов А.А. Некоторые итоги и задачи исследований в области истории археологии / А.А. Формозов // СА. — 1975 — № 4. — С. 5—13.

Холошкин Ю.П. Место археологической историографии в системной классификации археологической науки / Ю.П. Холошкин // Информационные технологии в гуманитарных исследованиях. — Вып. 6. — Новосибирск, 2003. — С. 8—13.

Tracing Archaeology's Past: The Historiography of Archaeology / Ed. A.L. Christenson. — Carbondale, 1989. — 255 p.

Trigger B.G. A History of Archaeological Thought / B.G. Trigger. — Cambridge, 1989. — 500 p.

Д.Л.Тесленко

ІСТОРІОГРАФІЯ АРХЕОЛОГІЇ: ПРОБЛЕМА СТРУКТУРИ ПРЕДМЕТНОГО ПОЛЯ

Статтю присвячено проблемі розуміння предметного поля історіографії археології. Розглянуті дослідження у галузі історії археології та історії історичної науки, які містять визначення предмету історіографії. На підставі узагальнення існуючих точок зору пропонується триелементна структура предметного поля історіографії археології, яка складається з історії археології, теорії археологічної науки, проблемної історіографії.

D.Teslenko

A HISTORIOGRAPHY OF ARCHAEOLOGY: THE PROBLEM OF STRUCTURE OF SUBJECT'S FIELD

The paper is about the problem of understanding of the subject of the historiography of archaeology. Researches in the fields of history of archaeology and the history of historical science, which contains the definition of the subject of historiography were analyzed. According to this analyses the three-elements structure of the subject's field of the historiography of archaeology, which consists of the history of archaeology, the